

*Какое лето, что за лето!
Да это просто колдовство —
И как, прошу, далось нам это
Так ни с того и ни с сего?*
Ф. И. Тютчев

◆ В конце июля этого года установилась невыносимо жаркая для наших мест погода: ясная, чистая, без намека на дожди. Казалось, даже ночное незаходящее солнце полярного дня согревает холодный край, низко вися над далеким горизонтом.

Семейство Андреяна в этом сезоне ездило в калужскую деревню рано — с конца мая до середины июля. Так график отпусков отшел. А так как до школы оставался еще целый август и неделя оканчивающегося июля, то лето для Николки невероятно растянулось, особенно-то после калужских впечатлений: жизни в отцовской деревни, где половина жителей — родственники, поездок в Калугу, где несколько крепких домиков в Подзавалье, откуда открывался великолепный вид на пойму реки Яченки и дальний лес, тоже заселяли родственники отца, а главное — купания в полноводной Угре и целодневного загорания на ее песчаных берегах...

Ах, какое выдалось лето!/?

С вечера Николка собрался было идти на рыбалку с полночи в присмотренное место на небольшом мыске за зданием маяка, но уже на улице, с удочкой через плечо, был остановлен матерью, шедшей от сарая — ходила кормить коз:

— Давай-ка возвращайся да спать ложись, Федоров моторку даст, завтра на тот берег залива пойдем за черникой и моршкой.

Вот это да! Николка присвистнул, развернулся, отнес удочку в кладовку в маячном доме. Понимая, что заснуть в одиннадцать вечера все равно не удастся, Николка забежал в свою квартиру, взял книжку «Детство в Уржуме» о Сергее Мироновиче Кирове — из числа рекомендованных в школе на летнее чтение (Николке в сентябре предстояло идти в четвертый класс), отрезал от буханки горбушку и еще кусок, положил на них по ломтю вяленой трески и ушел на мостки, опоясывающие маячный дом, присел на ступеньки лестницы, ведущей от мостиков вниз, к продуктовому складу, раскрыл книгу и не заметил как пролетела пара часов. Теперь в сон все же потянуло, поднялся и пошел домой.

Вроде только голову на подушку положил, а уже мать трясет за плечо:

— Вставай, Федоров с Седалиным уже моторку к причалу подогнали, Улита с Седалиной нас ждут на улице (Улита — маячное, «заглаза», прозвище Федоровой жены).

Встать с постели, особенно если лег в час ночи, тяжело, когда сам просыпаешься, но если тебя решительно будят, то дело вовсе иное. Словом, через пару минут одетый Николка, жуя на ходу пирог с палтусом, выскочил вслед за матерью из дома. Понятно, что младших она с собой не взяла. И Седалина захватила тоже только старшую Катю.

♦ Большая маячная моторка, на которой обычно ходили в Полярный, а в хорошую летнюю погоду какая-либо из островных семей — в гости на соседний маяк: Седловатый, Ретинское, Палогубский (семья Андреяна уже успела пожить на всех трех), управляемая Седалиным, застучала мотором и, огибая по правому борту северную оконечность острова с высоко стоящим маячным домом и пониже, у основания выдающегося в море зданием маяка, взяла курс на дальний отсюда правый же берег Кольского залива. Снизу, от воды маленькой фигуркой смотрелся Федоров, поднимавшийся от причала по деревянным мостикам к маячному дому. С мостика же маяка пару раз махнул рукой Андреян — его вахта была сегодня дневная.

Седалин, как и положено старшине моторки, сидел на кормовой банке. Под правой рукой у него, прижатая локтем, находилась рукоять (леер по-флотски) руля, а левой он что-то подкручивал в моторе, принайтованном к низкой площадке днища в кормовой части шлюпки, так что Седалину приходилось растопыривать ноги в матросских яловых сапогах справа и слева от размеренно стучащего мотора...

На двух средних банках разместились мать Николки, Улита, Агриппина — жена Седалина с дочерью, а сам Николка занял почетную носовую площадку, свесив с нее ноги, изогнувшись лицом по ходу моторки и опершись правым локтем о борт. Шлюпка шла на набравших оборотах мотора полном ходе, так что нос частенько и вовсе нависал над гладью воды. Николка же с приятностью качался. Хотя и

отмечено, что килевая качка намного неприятнее бортовой, но в здешних местах про морскую болезнь не слыхали.

Остров быстро уменьшался, а его очертания сливались со следующим за ним Екатерининским островом, а тот и вовсе со стороны залива неотличим от материкового берега. Николка вновь развернулся по курсу, тем более что курс этот явно пересекал ходко шедший на выход из залива эсминец, а со стороны моря неспешно двигался рыболовецкий сейнер. С военным кораблем не шутят, поэтому, прикинув расстояние и скорости, Седалин сбросил обороты до минимума, нос моторки упал в воду. Через четверть часа всего в паре-тройке кабельтовых неимоверно высокий прошел эсминец, подобранный, с изящно изогнутым фарштевенем, с трубами торпедных аппаратов по бокам палубы, со стволами пушек и кассетами установок реактивных снарядов.

— Да-а-а,— протянул Седалин, перекладывая руль и устанавливая шлюпку строго перпендикулярно крутым волнам, шедшим от следа прошедшего эсминца,— хороший флот у нас стал, океанский, а в войну только и были что миноносцы, от царя еще оставшиеся, тральщики минные да фанерные лендлизовские торпедные катера. Но и с ними воевали на славу! На подлодках и держались в основном.

Моторка закачалась на волнах, нос зарывался так сильно, что лицо Николки близко приближалось к волнам, и он чувствовал холод и йодистый запах воды. Однако качание на волнах закончилось, Седалин раскочегарил мотор, шлюпка понеслась, не дожидаясь уже тихоходную рыболовецкую посудину, к приближающемуся высокому скалистому берегу. Но в километре-полуторе от него моторка опять попала по курсу наперерез — на этот раз стае касаток. Если бы Николка не знал, что эти киты-хищники, которые своими полутораметровыми костяными хребтами-пилами перерезают настоящих гигантов-китов, крайне осторожно относятся ко всем другим плавающим на море предметам, то было бы от чего смертельно перепугаться. А рыбины эти, каждая размером с их шлюпку, сверкнув над гладью воды своими светло-синими брюхами по правому борту, с плеском ушли в глубину, и только через несколько минут, уже метрах в ста слева, мелькнули вновь их хвосты. Более их курс до самого берега никто не пересекал.

◆ По мере приближения моторки к берегу Николка недоумевал: куда будем причаливать? — И прямо, и слева, и справа, как виднелось, берег бурыми отвесными скалами поднимался вверх на сотню с лишним метров, вырастая из воды. И Седалин что-то засомневался, мотор прикрутил до самых малых оборотов, рулем брал вправо-влево, внимательно всматриваясь в отвесные скалы.

— Ага, вспомнил,— обрадовался он и резко взял вправо, а через четверть мили, обогнув выступавшую в залив скалистую косу, ввел моторку в малоприметную, узкую губу все с такими же высокими и

обрывистыми гранитными берегами. Вдобавок губа извивалась почище змеи, Седалин и на самом малом ходу едва успевал переключивать руль, а Николка потерял счет этим изгибам, поэтому ахнул от удивления и восторга, когда за очередным поворотом от моторки вдруг резко убежали вправо и влево неприветливые, дикие скалы, открыв внутренний залив размером с хорошее озеро. Скалы не только ушли по сторонам, но превратились в обычные береговые сопки, очень пологие, поросшие березками, густым кустарником, перемеживаемые полянками, синевшими северным цветком колокольчиком. Местами берег и вовсе был песчаным. Вот в такой песчаный берег и ткнулась носом моторка. Николка выпрыгнул первым, не забыв захватить моток тонкого причального троса.

Когда все выбрались из моторки на гостеприимный берег, Седалин, Николка и женщины, ухватив цепко трос, вытащили шлюпку на песок на полкорпуса. Седалин поискал глазами, нашел подходящий камень и, обмотав его, зацепил трос: со здешним приливом, особенно в узкой губе, шутить нельзя.

Николка пока осматривался и с удивлением обнаружил в метрах двадцати от их стоянки что-то похожее на проторенную дорожку, хотя и не очень ухоженную, скорее широкую тропу, извивавшуюся между каменистыми выступами и неподъемными валунами. У воды тропка эта заканчивалась невысоким, естественным каменным приступом-причалом.

— Смотрите, дорога! А куда она идет?

— Вот пойдешь по ней и узнаешь,— заухмылялся Седалин,— ну что ж, заблудиться здесь не заблудишься — хоть на километр, хоть на два поднимайся в гору, все одно залив как на ладони будет. Так что равномерно разбредитесь кто куда, не путайтесь под ногами, а ягод всем хватит. Пошли!

♦ Черника, любимая северная ягода, росла, конечно, и на их острове, и на соседнем Екатерининском, но у себя ее объедали маячные ребята, Николка тож, солдаты с зенитной батареи и матросы с поста, тогда еще располагавшихся на Большом Оленьем. А на Екатерининском хозяйничали городские — из Полярного. Здесь же заросли ягоды начинались в нескольких метрах от берега. К тому же здесь росла и кустилась костяника, которой на их острове не водилось.

Женщины принялись собирать чернику и костянику прямо от берега, а Николка, взяв свое ведро и грабилку*, пошел исследовать: куда ведет дорога? Дорога же резко взяла в гору, затем через неболь-

---

* Это то, чем в тех местах собирают чернику, бруснику, клюкву — то есть низкорастущие ягоды; представляет собой кузовок с ручкой сверху, одна боковая стенка которого удалена, а в этом месте в торец днища вставлены металлические прутки с заостренными свободными концами.

шой перевал пошла вниз, но уже в густом кустарнике, выше Николки, так что видел он только тропу перед собой, а перевал позади уже закрывал и залив.

Но закончился и кустарник, а дорога далее спускалась в котловину, посередине которой изумленный Николка увидел... гигантскую бочку высотой с трехэтажный дом и с соответствующим диаметром. Тем не менее это была стократ увеличенная копия обычной бочки, только изогнутые доски ее вытесаны из бревен, а обручи, как рассмотрел подошедший к бочке Николка, сделаны из стальных полос шириной с четверть метра и толщиной в два пальца.

Еще на подходе он начал вертеть носом от странно знакомого липкого запаха, а подняв глаза, увидел над бочкой черную тучу мух, их была тьма, а слитное жужжание напоминало прибор при беспокойном море. Временами подлетали несколько чаек, что-то выхватывали сверху из бочки и уносили в клювах. Запах вблизи оказался невыносимым, тошнотворным. Николка, пока рассматривал чудо-бочку, зажимал нос. Потом и вовсе отошел, все недоумевая: что за черт! Так ничего и не придумав, вернулся на перевал, свернул вправо от дороги, вскоре нашел поросшую черникой поляну и принялся за дело.

Дело спорилось. Через полтора часа, перейдя на третью по счету поляну, Николка заполнил ведро. Судя по солнцу, до общего сбора на берегу оставалось времени достаточно. Оставив ведро на приметном камне посередине поляны, Николка налегке быстро поднялся на сопку, нашел плоский, размером с хороший стол, нагретый солнцем камень, снял телогрейку, вытащив из кармана сверток с едой, расстелил ее и полуприлег. Развернув газету, с аппетитом приступил к обеду, неспешно откусывая от большого ломтя хлеба с копченым салом и вяленой треской.

◆ Чудесную картину видел поуставший от собирания черники Николка со своего теплого камня: прямо под ногами, глубоко внизу высвечивали косые солнечные лучи круглый заливчик с темневшей на песчаной полосе берега моторкой; подняв глаза повыше, за грядой прибрежных сопок он видел Кольский залив во всей его ширине — близко уже к выходу в море, и на противоположном его берегу различил и свой остров, отсюда — сливавшийся с берегом. Даже белое маячное здание крохотно, но четко виднелось. С пару минут, напрягши глаза, Николка всматривался в него — и вот ярко блеснуло — это значит, что несущий дневную вахту его отец задает профилактику вращающемуся маячному фонарю с рубиновыми гранеными стеклами. Тепло стало на душе — как и всякому человеку, наблюдающему за родным домом издалека.

Казалось, что залив в этот летний полуденный час вымер, но вот слева, тихо и крадучись под самым берегом, появилась подлодка; все громче и громче стучал ее дизель; лодка приближалась к траверсу этой

маленькой губы. А навстречу ей, но по середине залива, со стороны моря потянулся здоровенный сухогруз под греческим флагом: явно в Мурманск за аппатитовым концентратом — удобрять свои греческие оливки или что там у них растет?

Вот из-за Большого Оленьего, отсюда прикрывавшего выход из Екатерининской гавани Полярного справа и слева, выскочил сторожевик и деловито взял курс вроде как на выход в море, но придерживаясь своего, левого берега. Значит, после прохода Седловатого свернет влево, в бухту Ягельную — на 4-ю точку, где атомные подлодки, только-только появившиеся у нас и американцев, базируются. Много чего знал Николка в свои одиннадцать лет! И в страшном сне ему тогда присниться не могло: пройдет сорок лет, будут у пирсов в Ягельной ржаветь еще оставшиеся на плаву стратегические атомные подлодки, а вся «демократическая общественность» с остервенением станет защищать от трибуналов Северного и Тихоокеанского флотов предателей с погонами капитанов второго ранга...

И синее безоблачное небо (доев, Николка с наслаждением растянулся на телогрейке) не скучало без людей: со стороны Мурманска набирал высоту аэрофлотовский лайнер — в сторону моря, значит, рейс «Москва — Гавана», опять же только что открытый. А вот сразу два дальних бомбардировщика полетели на свое неблизкое дежурство явно с аэродрома Сафоново. Навстречу же им с Рыбачьего неспешно и на малой высоте шел старинный торпедоносец с характерными, одному ему присущими крыльями: в форме двуручной пилы с выгнутой стороной назад.

Устав смотреть на оживленное небо, Николка повернулся на бок, подперев ладонью голову. Здесь его внимание привлекло нечто, а именно белесое пятно метрах в пятидесяти: тонкий слой торфа был содран неведомой силой, а гранитный монолит как теркой алмазной продраян. Поломав голову, Николка таки сообразил, что к чему.

...Прошедшей зимой, прибыв под самый Новый год на каникулы, Николка с удивлением обнаружил: все окна в маячном доме, в солдатской казарме были крест-накрест заклеены полосами бумаги — как в фильмах о войне. Кое-где в маячном доме хозяйки уже успели эти полосы смыть. Здесь Николка вспомнил, что по дороге мать говорила о учебных стрельбах зенитной батареи. Про заклеенные окна она сказать забыла, впрочем, Николка знал, для чего это делается.

— Оглохли мы тут совсем, ведь всю неделю палили: день и ночь!

Тогда Николка сообразил — откуда неслась канонада в последние дни, хорошо слышная и в Полярном.

Вечером отец, пришедший с вахты, рассказал: стреляли не в небо, а плашмя — через залив по безлюдным сопкам на другом берегу. Как пояснил отец, ухмыляясь, стреляли не на меткость, а чтобы солда-

ты не отвыкали от обращения с зенитками, главное — сроки хранения снарядов, чуть ли не с войны, вышли; вот и учение придумали: лучший способ избавиться от них.

Николке стало зябко, он поежился на двадцатиградусной жаре. Здесь это жара.

◆ Задремал незаметно, а проснулся от дальнего хлопка. Открыл глаза и увидел делающего в воздухе дугу зеленую ракету — условный сигнал к общему сбору из ракетницы, захваченной с собой Седалиным.

Николка накинул телогрейку, спустился на полянку, взял свое ведро и тем же путем, мимо гигантской бочки, над которой бесновалась уже целая стая чаек и чириков, вернулся на берег. Пока подтягивались остальные, Седалин объяснил ему: в бочку эту с весны загружают с сотню тонн тресковой печени, что привозят баржой с мурманского рыбокомбината. Все лето печень дает рыбий жир, который вытесняет к верху бочки вытопленные печеночные шкварки, под солнцем образующие корку, по которой дождевая вода стекает на внешние стенки бочки. Осенью приходит другая баржа, с цистерной. Протягивают до бочки шланг, выбивают затычку, вставляют концевик шланга и весь жир скачивают в цистерну. Потом, уже на фабрике, жир очищают и используют на всякие аптечные и иные дела. Такие бочки по многим тихим местам расставлены — подальше от чувствительных носов.

— А почему печенки эти прямо на рыбозаводах не вытапливают, как вот мать ее на сковородке жарит: быстро и без хлопот.

— Э-э-э, это дело тонкое. Здесь процесс идет естественный, поэтому жир сохраняет свои полезные свойства, а только такой для медицины годится. А в печах тоже топят, но — для всяких технических дел. Ну, вот и бабы идут, пора уже, дело к вечеру, а мне в ночную отца твоего менять.

На обратном пути им встретились только неутомонные касатки. На этот раз они шли своим кильватерным строем параллельно с моторкой, потом им это наскучило и они свернули в сторону моря.

Остаток дня Николка провел деятельно, а засыпая в первом часу светлой ночи, подумал: вот почему все дети, он в их числе, в дошкольном возрасте с таким отвращением глотают утреннюю ложку рыбьего жира.

